

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080025894-0

РОССИЙСКО-ВОСТОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИЙ,
ЭПИЗООТИЙ И ЭПИФИТОТИЙ В XIX В.

©2023

В.Н. ШКУНОВ^a

^a – Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия
ORCID: 0000-0002-0311-9061; orientru@mail.ru

Резюме: Статья посвящена проблемам развития внешнеторговых связей Российской империи с сопредельными странами Востока в периоды эпидемий, эпизоотий и эпифитотий на протяжении XIX в. Особое внимание уделяется вопросам эволюции санитарной и карантинной политики государства, действиям правительственных органов по сдерживанию распространения заразных болезней в местах их распространения. Автор показывает, каким образом возникновение и распространение инфекционных заболеваний отражалось на динамике внешнеторговых операций, на изменении каналов сбыта и поставок товаров, ценовой политике, ассортименте товаров, возникновении дефицита, состоянии ярмарочной и розничной торговли на территории империи. Рассмотрены оградительные меры российских властей на территории приграничья, в портах, центрах транзитной торговли. Территориальные рамки исследования охватывают сопредельные страны Востока – Турцию, Иран, ханства Средней Азии, Афганистан, а также собственно территорию Российской империи. В статье анализируются меры государственно-правового регулирования внешней торговли в условиях эпидемий и эпизоотий, профилактические меры региональных властей приграничья по недопущению распространения инфекционных заболеваний вглубь территории империи вместе с товарами, торговцами, животными и растениями. Актуальность темы определяется схожестью проблем во внешней торговле современной России в связи пандемией нового коронавируса COVID-19, прерыванием внешнеторговых связей с ближними и дальними государствами и необходимостью использования исторического опыта в условиях незамедлительной смены стратегии внешней торговли. Статья основана на редких архивных документах и редко используемых дореволюционных отечественных и зарубежных источниках. В ходе исследования автор пришел к выводу, что в XIX в. в Российской империи сформировалась четкая и достаточно эффективная система профилактики распространения инфекционных заболеваний, сложилась система реагирования на прерывание притока и сбыта товаров в условиях эпидемий, эпизоотий и эпифитотий, поиска альтернативных каналов поставок необходимых товаров в целях предотвращения дефицита, роста цен, остановки производства и т.д.

Ключевые слова: Российская империя, страны Востока, внешняя торговля, эпидемии, эпизоотии, карантинная политика.

Для цитирования: Шкунов В.Н. Российско-восточная торговля в период эпидемий, эпизоотий и эпифитотий в XIX в. *Восток (Oriens)*. 2023. №. 4. С. 164–174. DOI: 10.31857/S086919080025894-0

RUSSIAN-EASTERN TRADE DURING EPIDEMICS,
EPIZOOTICS AND EPIPHYTOTICS IN THE 19TH CENTURY

© 2023

Vladimir N. SHKUNOV^a^a – Samara Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Samara, Russia
ORCID: 0000-0002-0311-9061; orientru@mail.ru

Abstracts: *The article is devoted to the issues of the development of foreign trade ties between the Russian Empire and neighboring countries of the Middle East and Central Asia during the periods of epidemics, epizootics and epiphytotic throughout the 19th century. Special attention is paid to the evolution of the state sanitary and quarantine policy, measures taken by government agencies to control the spread of contagious diseases in highly endemic regions. The author shows how the emergence and spread of infectious diseases affected the dynamics of foreign trade operations, changes in distribution channels and supply of goods, pricing policy, assortment of goods, shortages, the state of fair and retail trade in the empire. The work analyzes the measures of state and legal regulation of foreign and domestic trade under conditions of epidemics and epizootics. Moreover, the authorities' preventive measures imposed in the border areas to stop the spread of infectious diseases deep into the territory of the empire, along with goods, merchants, animals, and plants, are looked into. The research is based on rare archival documents, rarely used Russian and foreign sources of the Imperial era. The author came to a conclusion that a clearly defined and fairly effective system aimed to prevent the spread of infectious diseases has been formed in the Russian Empire throughout the 19th century. Various structures were developed to respond to the interruption of the goods' influx and their sale under conditions of epidemics, epizootics and epiphytotic, find alternative channels for the supply of necessary goods to prevent shortages, price increases, production shutdowns, etc.*

Keywords: Russian Empire, countries of the East, foreign trade, epidemics, epizootics, quarantine policy.

For citation: Shkunov V.N. Russian-Eastern Trade during Epidemics, Epizootics and Epiphytotic in the 19th Century. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 164–174. DOI: 10.31857/S086919080025894-0

XIX в. вошел в историю нашего Отечества как время активного продвижения России на Восток, вовлечения в сферу ее геополитических, дипломатических и внешнеторговых интересов новых сопредельных территорий и стран Азии. За сравнительно короткое время российские торговцы и товары проникли в ранее неизвестные и малознакомые государства, владения и земли. На гигантской территории – от островов Японии до европейской границы Турции, от Кореи до Тибета и Белуджистана – везде на местных рынках можно было встретить российские товары. Отечественные купцы, а к концу века целые торговые компании усиливают свое присутствие в Китае, Монголии, на Памире, в Индии, Афганистане, ханствах Средней Азии, в землях туркмен, в Иране и т.д. Внешняя торговля становилась важным фактором в обеспечении геополитических, военно-стратегических и экономических интересов Российской империи на Востоке. Вместе с тем, развитие внешней торговли было сопряжено с определенными трудностями и препятствиями. Среди них – войны России с соседними странами Востока, межгосударственные противоречия, соперничество с ведущими европейскими державами в борьбе за восточные рынки, низкое

качество отечественного производства, вследствие чего российские товары оказывались неконкурентоспособными по сравнению с английскими и не пользовались устойчивым спросом [Внутреннее обозрение, 1889, с. 343]. В настоящей статье мы сосредоточимся исключительно на трудностях и проблемах природного происхождения: на том влиянии, какое оказывали на протяжении XIX в. на развитие внешнеторговых связей Российской империи с сопредельными странами Востока эпидемии (инфекционные болезни людей), эпизоотии (болезни животных) и эпифитотии (болезни растений).

Сюжет о влиянии эпидемий на ход всемирной истории неоднократно рассматривался в мировой литературе (см., например: [Гарина, 2018; Рахимов, 2021]). В нашей стране в последние десятилетия он был относительно проработан Дмитрием Викторовичем и Ириной Владимировной Михель [Михель, Михель, Сироткина, 2004; Михель, 2021]. Возвращение к нему определяется теми проблемами во внешней торговле современной России, которые вызваны пандемией COVID-19 и прерыванием внешнеторговых связей с ближними и дальними государствами. В этих условиях логично встает вопрос о необходимости смены стратегии внешней торговли и может пригодиться описание и анализ исторического опыта, впервые, по сути, взятого в избранном нами ракурсе – совмещении в одном исследовании внешней торговли трех природных угроз и защитных мер, к которым прибегали российские власти.

«МИРОВЫЕ ПОВЕТРИЯ И ЗАРАЗЫ»: ПРЕДЫСТОРИЯ

Эпидемии периодически возникали в разных регионах Российской империи на протяжении всего рассматриваемого периода. Отметим некоторые закономерности их появления и распространения в России в связи с внешнеторговыми операциями. В большинстве случаев первые случаи заражений отмечались в приграничье и были связаны, как правило, с внешнеторговыми операциями: возбудители инфекций распространялись через зараженные товары, личные вещи, больных людей, животных, растения и т.д. Характерной особенностью российско-восточной торговли со многими сопредельными странами Востока был ее меновой характер, что предполагало тесное общение торговцев в приграничье на протяжении нескольких дней (в Кяхте и Маймачене в Урге, в Оренбурге, Троицке, Семипалатинске и т.д.). При значительном скоплении людей (купцы, приказчики, погонщики, покупатели и т.д.) в случае инфекционной болезни ее распространение происходило очень быстро. Нередко торговцы, завершившие меновой торг, отправлялись на родину, не подозревая, что оказались зараженными. Также вглубь территории Российской империи попадал зараженный скот, растения (семена, фрукты, сухофрукты и т.д.). Нередко источниками заражения становилась вода в местных источниках, приобретенная в пути и на месте торгового обмена, товары.

Следует заметить, что с указанными проблемами отечественные купцы сталкивались и раньше – в XVII и XVIII вв. Но тогда объемы и география внешнеторговых связей России с государствами Азии не были столь обширными, как в XIX в. Следовательно, угрозы эпидемий в это столетие кратно возросли. Не случайно обеспечение безопасности внешне-торговых отношений, профилактика распространения эпидемий, эпизоотий и эпифитотий в связи с торговлей стали предметом пристального внимания органов государственной власти, ученых, самих торговцев еще в XVIII в. Именно тогда в России появляются первые научные труды, посвященные инфекционным болезням и эпидемиям, публикуются переводные работы европейских авторов, в которых, в частности, анализируются причины возникновения эпидемий, география их распространения, пути передачи болезни. Среди них отметим работу английского доктора Ричарда Меада «О моровой язве»¹ [Меад, 1772].

¹ Моровая язва – известное с Библейских времен название эпидемий чумы и иных инфекционных

Автор приводит примеры возникновения эпидемий. Например, он отмечает, что последние (ко времени написания монографии) эпидемии имели следующий путь распространения: Африка (Египет) – Турция – приморские порты Османской империи – порты Европы: «... язва перешла в Европу от беспрестанной ее с Турцией торговли» [Мead, 1772, с. 19]. Доктор приводит и другие случаи распространения эпидемии по Европе. Так, во Францию моровая язва попала с товарами из Турции, затем – в Данциг, отсюда – в Гамбург, Копенгаген и другие портовые города Европы. Другим каналом распространения инфекции стали Нидерланды, куда из Турции вместе с хлопком-сырцом она проникла в местные порты. Впоследствии с товарами язва была зафиксирована в Лондоне. Оспа заносилась в Европу также на торговых судах из Индии. По пути захода в иностранные порты члены экипажа и торговцы становились невольными разносчиками инфекции. Таким образом, в XVIII в. сложилось общее представление о географии распространения эпидемий, о средствах ее проникновения в Европу и отсюда – в Россию. Основным средством и каналом проникновения эпидемий и эпизоотий в Европу, по мнению ученых XVIII в., была, бесспорно, внешняя торговля со странами Востока, а заражение происходило через товары, скот, растения, рыбу и морепродукты, больных людей (торговцев, приказчиков, рабочих, членов экипажей торговых судов и т.д.).

И в дальнейшем отечественные ученые внимательно следили за появлением любой информации об эпидемиях в странах Востока, с которыми Российская империя поддерживала тесные торгово-экономические отношения. Вызывали повышенный интерес и зарубежные публикации по данной теме. Так, в «Журнале Министерства внутренних дел» в 1841 г. была опубликована статья «Замечания об Александрии, Смирне и Константинополе в физическом и медицинском отношениях, извлеченные из сочинения доктора Л. Обера «О чуме» [Яроцкий, 1841]. В статье раскрыта роль указанных городов в международной торговле, описаны меры, которые принимались местными властями в целях предотвращения распространения чумы и других инфекционных заболеваний. Несомненно, передовой зарубежный опыт внимательно изучался в России и внедрялся в практику.

КАНАЛЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФЕКЦИЙ

Закономерно, что географическими каналами распространения эпидемий на протяжении всего рассматриваемого периода в России являлись портовые города империи (Одесса, Севастополь, Таганрог, Астрахань, Санкт-Петербург, Архангельск, Владивосток и т.д.), приграничные торговые и транзитные центры (Кяхта, Оренбург, Троицк, Семипалатинск и пр.). Каждый из указанных центров имел свою специфику. Приведем пример по Астрахани. Небольшой по численности населения городок являлся на протяжении нескольких веков важнейшим центром торговли России со странами Востока. Сюда стекались товары не только из Ирана, Закавказья, Турции, ханств Средней Азии, туркменских владений, но и транзитом – из Индии, Сирии, Ирака, Афганистана и пр. Каждую весну большое количество торговцев съезжалось со всей России в Астраханский край (в частности, в Хошеутовский улус) для закупки (мены) у калмыков и казахов овец, лошадей и другого скота. В случае пригона большого скота в месте его массового скопления быстро начиналось распространение инфекции. Учитывая, что покупка лошадей и овец происходила достаточно быстро, больные животные становились разносчиками заболеваний на внутренних территориях империи. Так возникали эпизоотии, наносившие большой урон местным хозяйствам. «Увеличению и распространению скотоводства в Астраханской губернии препятствуют

частые болезни, особенно рогатого скота и овец и падеж их. Чума, ящур и воспаление в легких много губят коров и быков», – отмечалось в литературе середины XIX в. [Безносилов, 1852, с. 136].

По той же схеме происходило и проникновение эпидемий. Нередко с торговыми судами в основном из Ирана в пределы Астрахани заносились разные инфекционные заболевания. Учитывая, что только в порту в период с июня по октябрь ежегодно трудилось до 20 тыс. человек, в случае появления болезни, заражение здоровых людей при большой скученности работников происходило быстро. При этом сама Астраханская губерния поглощала незначительное количество импортных товаров. Основная часть азиатского импорта вывозилась на Нижегородскую ярмарку и во внутренние города Европейской части Российской империи: «Громоздкие оптовые товары, а именно: хлопчатая бумага, шелк-сырец, марена, кипарисное дерево и персидская пальма или саин-шиц, рис, фрукты и прочее лежат в Астрахани в караван-сараях, где предпочтительно и живут приезжающие в Астрахань персидские купцы, а на ярмарках Нижнего Новгорода – в армянских рядах» [Безносилов, 1852, с. 161]. В целях профилактики распространения инфекционных заболеваний в Астрахани на Бирючей косе, недалеко от взморья, был построен Центральный карантин. Кроме этого, на побережье действовали девять карантинных застав [Безносилов, 1852, с. 33].

В 1812 г. из пределов Османской империи с торговыми судами была занесена чума в Одессу и Феодосию. Отсюда болезнь стала стремительно распространяться по населенным пунктам Черноморского побережья. Таганрогский градоначальник Папков ввел запрет на проход всех торговых судов через Керченский залив в Азовское море. Несмотря на то что торговля в этот период практически оказалась прерванной, Приазовье избежало распространения эпидемии [Филевский, 1898, с. 190].

В 1827 г. на Россию вновь обрушилась чума, унесшая много жизней. Неслучайно эта проблема нашла живой отклик в творчестве российских поэтов и писателей. Русский писатель Александр Афанасьевич Орлов в 1830 г. опубликовал «московскую повесть» под названием «Встреча чумы с холерой», ставшей своеобразным откликом на эпидемии [Орлов, 1830]. Героями произведения стали две инфекционные болезни, которых автор сделал одушевленными персонажами. Через диалог главных героев повести А.А. Орлов передал тревогу, ужас россиян перед страшным врагом человечества.

20 октября 1832 г. император Николай I утвердил «Положение о карантинной страже», предназначенной для «хранения европейских пределов государства от внесения чумной заразы со стороны морей Черного и Азовского и границы турецкой» [*Положение о карантинной страже*, 1832]. Новая служба включала собственно карантинную стражу, внешний караул, морской надзор и пограничную стражу. В документе подробно описывались права и обязанности службы, штатное расписание, довольствие и т.д. Безусловно, это был важный шаг на пути профилактики эпидемий и эпизоотий.

С этого же времени в ведущих портах Российской империи в периоды эпидемий все торговые суда подвергались трехдневной обсервации.

В торговых и транзитных центрах, расположенных вдоль сухопутной границы, при возникновении эпидемиологической опасности местные власти принимали незамедлительные меры по нераспространению инфекции вглубь империи. Так, осенью 1829 г. в Оренбуржье были зафиксированы случаи заражения холерой. По требованию врачей губернские власти приняли срочные меры по нераспространению эпидемии [Архангельский, 1874, с. 99].

По черноморскому направлению внешней торговли России в последний раз чума была занесена в Одессу в 1837 г. Известно, что источником заражения стала умершая от чумы жена шкипера российского торгового судна. Врачи не смогли сразу определить болезнь. И хотя умершая была похоронена на специальном карантинном кладбище Одессы, члены

экипажа оказались заражены и при выходе в порт стали распространять болезнь по всей Одессе. Генерал-губернатор Новороссийского края, светлейший князь Михаил Семенович Воронцов, имевший опыт борьбы с чумой еще в 1829 г., незамедлительно ввел полную изоляцию Одессы, чтобы не допустить распространения эпидемии вглубь империи [Марковников, Отрадинский, 1879, с. 20]. Генерал-губернатор лично ежедневно объезжал границы города (каменную стену с несколькими проездами, построенную специально в целях недопущения контрабандного провоза импортных товаров). По его приказу в Одессе были незамедлительно закрыты театры, все учебные заведения и церкви, все питейные заведения, лавки (за исключением продуктовых), Продажа вина осуществлялась через окна торговых заведений. При этом товар и деньги в обязательном порядке обрабатывались уксусом. Дезинфицирующие вещества для окуливания товаров, одежды и пр. выдавались всем одесситам бесплатно. Кроме этого, одесские власти приняли меры к обеззараживанию бумажных денег. С этой целью все ассигнации, бывшие в употреблении, обменивались на новые, а старые подлежали окуливанию. Для обеспечения города продовольствием дважды в неделю в Одессу прибывали обозы, которые подлежали дезинфекции (при этом морской водой обмывали и лошадей).

РАСШИРЕНИЕ РОССИЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛИ И ЭПИДЕМИИ

Одним из ведущих центров российско-восточной торговли на протяжении XIX в. был Оренбург. Здесь происходил колоссальный по объемам обмен российских и азиатских товаров, производилась закупка скота из казахских степей. Как отмечал современник в 1880-х гг.: «Оренбург является главным рынком для нашей торговли со Средней Азией; он играет и особенно играл роль посредника в этой торговле в прежнее время: через руки оренбургских купцов проходили в Россию почти все среднеазиатские товары и обратно – через их же руки шла в Среднюю Азию наша мануфактура, наши русские товары» [Алекторов, 1883, с. 123].

Но особую роль в российско-восточной торговле по Оренбургскому направлению имел меновой торг скота, доставлявшегося из казахских степей. Огромные отары овец, табуны лошадей и другой скот пригонялись на меновые дворы Оренбурга и Троицка, а также на Сибирскую линию. Кроме этого, скот напрямую доставлялся в Казанскую, Симбирскую и Нижегородскую губернии. В 1840-е гг. объем этой торговли в Российской империи оценивался в 2,7 млн рублей серебром в год² [Неболсин, 1850, с. 214].

Как сообщали исследователи того времени, в казахских степях часто происходил падеж скота вследствие эпизоотий. Это отражалось на российско-казахской торговле и, как следствие, на состоянии суконной промышленности в России и связанных с ней отраслей. Разумеется, от состояния этой торговли во многом зависело и благосостояние казахских родов. Подполковник Николай Казаков в своей записке на имя императора Александра Николаевича от 20 июля 1862 г. прямо отмечал: «только одни бараны составляют почти единственную торговлю киргизов (казахов. – В.Ш.)...» [Записка подполковника Казакова, 1862, л. 1–24 об.]. Перегон скота на дальние расстояния был сопряжен с определенными рисками, включая возможность заражения животных в пути следования или распространения инфекционных заболеваний.

Подлинным несчастьем и для крестьян, и для помещиков было появление в их хозяйствах эпифитотий – болезней возделываемых культур. Они часто приводили к нехват-

² Скот являлся важной статьей импорта. Для сравнения: в рассматриваемый период ежегодный импорт рыбы из зарубежных стран оценивался в 1,4 млн рублей серебром, китайского чая – в 6,3 млн [Неболсин, 1850, с. 238, 337].

ке продовольствия, резкому снижению урожайности, а, иногда и к полной гибели урожая и, как следствие, к нехватке продовольствия. Вредители и болезни растений нередко заносились на территорию Российской империи из-за рубежа вместе с товаром. Попадая на ярмарки страны, зараженные растения и вредители начинали распространяться в самые отдаленные уголки страны, становясь источниками местных эпифитотий. Подобного рода случаи описаны во многих статьях, сборниках, монографиях, изданных в XIX в. Так, в Смоленской губернии в 1848 г. вследствие распространения так называемой «мокрой гнили» был уничтожен практически весь урожай картофеля³ [Цебриков, 1862, с. 119]. Такие же случаи отмечались на протяжении всего столетия во многих губерниях империи.

С расширением торговых связей Российской империи с ханствами Средней Азии и сопредельными странами увеличивался и риск проникновения инфекционных заболеваний. К примеру, в Бухару стекались товары со всех близлежащих и отдаленных государств. В городе находились индийские, персидские, кокандские, хивинские и туркменские торговые ряды с разнообразным товаром. Нередко город и территория ханства (по сути – эмират. – В.Ш.) становились центром распространения эпидемий: «Сухость климата, вызывающая усиленную испарину, колебания температуры и антигигиеническая обстановка поселений порождает массу болезней, среди которых особенно досаждают населению злокачественная лихорадка, болезни глаз, тиф, дизентерия, особые язвы на теле, не поддающиеся лечению, сартовская болезнь, зоб, проказа и решта»⁴ [Скопин, 1904, с. 82].

Аналогичная ситуация складывалась и на территории Хивинского ханства. Так, в период правления Саид Мухаммед-хана (1856–1864) страна переживала тяжелое время: внутренние усобицы, война с йомудами, вторжение джемшидов привели к разорению страны⁵. Известный венгерский путешественник Арминий Вамбери отметил, что эти события продолжались несколько лет и сопровождались «холерой, чумой, истреблением населения» [Вамбери, 2003, с. 263].

Часто эпидемии проникали в пределы Бухарского ханства и других владений Средней Азии из Индии. В работе известного отечественного исследователя В.Н. Скопина читаем об Индии: «Смертность велика, благодаря бедности и невежеству населения, среди которого царят опустошительные болезни» [Скопин, 1904, с. 199]. В августе 1896 г. из Гонконга в Бомбей вместе с товарами и торговцами была в очередной раз занесена чума. Очагом первичного распространения болезни стал местный порт. Заразились портовые рабочие, торговцы, встречавшие и отправлявшие товары. Поскольку в порту находились торговые суда из самых разных стран, чума начала распространяться в другие страны мира [Вестерник, 1900, с. 1].

В 1877 г. чума пришла в Астрахань из Ирана, где в 1876 г. она уже охватывала несколько провинций. Об угрозе распространения эпидемии в Российской империи знали. Более того, в 1876 г. в иранский город Решт были направлены два русских врача. В Астрахани были введены ограничительные карантинные меры. Однако, они, по всей видимости, соблюдались не строго, и вскоре вместе с торговыми судами чума была занесена в астраханский

³ Мокрая гниль – большая группа болезней картофеля, вызванных бактериальным заражением.

⁴ *Сартовская болезнь* – зоонозный кожный лейшманиоз – инфекционное заболевание, известное с древнейших времен в Средней Азии, Иране, Египте и в других странах Востока. *Проказа* – лепра (разновидность гранулематоза) – хроническое инфекционное заболевание. Проказа упоминается еще в Ветхом Завете. *Зоб* – болезнь Грейвса (токсический диффузный зоб), часто провоцируемая инфекциями. *Решта* – дракункулёз – гельминтоз, распространенный в тропических и субтропических странах Азии и Африки; существуют только оперативные методы лечения.

⁵ *Йомуды* – одна из крупных этнографических групп туркмен, часто упоминаемая в дореволюционной литературе. *Джемшиды* – ираноязычный народ, проживающий на северо-западе Афганистана и в провинции Хорасан (Иран).

порт, откуда стала распространяться по всему городу и его окрестностям. По некоторым оценкам, от инфекционной болезни только в Астраханской губернии погибло около 500 человек [Марковников, Отрадинский, 1879, с. 23–24]. Меры, предпринятые губернскими властями, позволили изолировать очаг чумы, в том числе посредством запрета на перевоз товаров. Тем не менее санитарное состояние самой Астрахани еще оставляло желать лучшего. Вот что читаем в одной из книг того времени об этом городе, населенном тогда 50 тыс. жителей, с торговлей на десятки миллионов рублей и главном этапном пункте «между богатством южного Востока и всей северной Россией»: «Громадная масса гниющих нечистот, скопившихся в г. Астрахани в продолжении множества лет, – рассказывают далее санитары, – составляют одну из главнейших причин особенной болезненности в Астрахани. Столь неблагоприятные гигиенические условия в случае вторжения чумы могут сделать Астрахань вторым ее отечеством» [Молчанов, 1884, с. 200].

РЕАКЦИЯ КУПЦОВ НА УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

Коммерческая смекалка, природное чутье, обладание информацией о ситуации в сопредельных странах Востока позволяли отечественным купцам быстро реагировать на возникавшие угрозы в сфере внешнеторговых операций. При появлении сведений о начавшейся эпидемии или эпизоотии в соседних странах российские купцы искали «обходные», безопасные пути для транспортировки товаров. В некоторых случаях, например, они отказывались от караванного способа доставки грузов и прибегали к использованию речных и морских судов. Это, в частности, касалось российско-среднеазиатской и российско-иранской торговли.

В случае возникновения угрозы распространения эпидемии с территории восточных государств российские власти незамедлительно усиливали санитарный (карантинный) контроль на южных границах. Так, российский прозаик и драматург Ф.Ф. Корф во время путешествия по Ирану в 1834–1835 гг. оказался в Тебризе, где отмечались случаи заражения чумой и холерой. Предприняв меры предосторожности, журналист благополучно достиг границы с Россией, откуда он направился в близлежащий русский карантин. Все его вещи подверглись окуливанию, а сам он был помещен в специальное помещение для наблюдения. Подобного рода процедуру проходили и все отечественные купцы, прибывшие из Ирана в Закавказье. Ф.Ф. Корф по этому поводу назвал отечественные карантинные «благотворительными учреждениями, недремлющими стражами, охраняющими землю от нашествия злых неприятелей» [Корф, 1838, с. 289].

Карантинный режим определялся законодательными актами. Так, по Закавказской линии определялся срок пребывания торговцев на карантине в случае выявления чумы или холеры на территории Турции или Ирана: от 14 до 21 дня [Устав Медицинской полиции, 1857, с. 276]. Контроль за соблюдением карантинного режима возлагался на медицинскую полицию. В отдельных случаях губернские власти принимали решения о полном прекращении торговых связей с азиатскими государствами. Так было, к примеру, в 1829 г., когда в Оренбургской губернии в связи со вспышкой холеры в Бухаре и ее появлением с купеческими караванами на российской границе был установлен временный запрет на торговлю с ханствами Средней Азии [Рахимов, 2021, с. 16]. Прекращение торговли побуждало российских купцов к переориентации на другие рынки Востока, к поиску новых каналов поставки товаров, к изменению маршрутов торговых караванов: нередко торговцы и их приказчики делали большой крюк в обход опасных местностей.

В литературе рассматриваемого периода периодически высказывалась мысль о том, что товары не подвержены заражению [Лодер, 1830, с. 16]. В связи с этим, российские купцы,

не имевшие возможности совершать торговые операции напрямую в странах Востока в период эпидемий, прибегали к посредничеству иностранцев: они скупали товары, доставлявшиеся к российской границе восточными купцами в обход карантинных пунктов. Огромная протяженность границы Российской империи с государствами Востока была слабо охраняемой, что создавало условия для широкой контрабанды товаров. В периоды эпидемий и эпизоотий контрабанда отчасти восполняла потери торговцев вследствие резкого падения объемов внешнеторговых операций.

Еще одним способом «выживания» отечественных купцов служила реализация запасов восточных товаров, хранившихся на складах, в амбарах, ярмарочных ангарах. Часто товары, доставленные из стран Востока, не реализовывались в кратчайшие сроки и залеживались. В периоды «морозного поветрия» они поступали в торговлю. Кроме этого, российские купцы скупали восточные товары у конкурентов, увеличивая при этом розничные и оптовые цены. Таким образом, во время эпидемий, эпизоотий и эпифитотий задействовались все внутренние резервы. Повышение цен отчасти компенсировало вынужденные потери предпринимателей от прекращения или снижения объемов внешнеторговых оборотов.

Наконец, в целях сохранения сбыта восточных товаров на внутреннем рынке в условиях прерывания или значительного ограничения российско-восточной торговли отечественные купцы переориентировались на европейские рынки, откуда реэкспортировали так называемые колониальные товары. Восточные товары реэкспортом доставлялись в Россию из Германии, Великобритании, Голландии, Испании, Франции и других европейских стран. Это еще раз подтверждает наш тезис о том, что внешняя торговля даже в самых неблагоприятных условиях всегда находила пути для движения товаров, преодоления естественных и искусственных препятствий.

Следует заметить, что эпидемии и эпизоотии стали своеобразным катализатором развития капитализма, стимулировали повышение стоимости рабочей силы в странах Европы, Северной Америки, в России, способствовали расширению наемного труда. Это отражалось на уровне и объемах внешней торговли: каждый раз после эпидемий резко возрастали внешнеторговые обороты, открывались новые каналы поставок товаров, рос потребительский спрос на импортные товары. Американский историк экономики Грегори Кларк отмечал: «...Чума, повышая смертность при данном материальном уровне жизни, повысила уровень жизни по всей Европе» [Кларк, 2012, с. 151].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на протяжении XIX в. Российская империя расширяла и упрочивала внешнеторговые связи с сопредельными странами Востока. В орбиту ее внешнеторговых интересов вовлекались новые страны и территории. Одним из факторов, сдерживавших и порой прерывавших внешнеторговые отношения наряду с войнами, являлись эпидемии, эпизоотии и эпифитотии. Более того, именно внешняя торговля чаще всего становилась причиной их появления на территории империи. Угроза распространения болезней побуждала российские власти к формированию целостной системы профилактики и оградительных мер, к созданию специальных карантинных служб, изданию определенных правил и правовых норм, регулирующих порядок пересечения государственной границы купцами и товарами. Вместе с тем, даже в период эпидемий внешняя торговля, удовлетворявшая насущные потребности государства и общества, проявляла удивительную гибкость и изобретательность, не допуская возникновения дефицита в стране и разорения торговцев. В условиях эпидемий и эпизоотий закрывались одни каналы поставок и сбыта при одновременном усилении товаропотока посредством иных каналов. Собственно, именно таким

образом поступали отечественные и зарубежные торговцы в период войн, когда физическое перемещение товаров было невозможно. Образно выражаясь, внешняя торговля напоминала живой организм, чутко реагирующий на меняющуюся среду, проявлявший удивительную живучесть и приспособляемость к новым условиям. После эпидемий внешнеторговые отношения на ранее опасных направлениях быстро восстанавливались и набирали обороты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алекторов А. *История Оренбургской губернии*. Изд. 2-е. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1883 [Alektorov A. *History of the Orenburg Province*. 2nd ed. Orenburg: Tipografiya B. Breslina, 1883 (in Russian)].

Архангельский Г.И. *Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг.* СПб.: Типография Стасюлевича, 1874 [Arkhangelsky G.I. *Cholera Epidemics in European Russia in the 50-year Period 1823–1872*. Saint Petersburg: Tipografiya Stasyulevicha, 1874 (in Russian)].

Безносиков К.С. *Военно-статистическое обозрение Российской империи*. Т. 5. Ч. 5. Астраханская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1852 [Beznosikov K.S. *Military Statistical Review of the Russian Empire*. Vol. 5. Part 5. Astrakhan Province. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta Generalnogo shtaba, 1852 (in Russian)].

Вамбери А. *Путешествие по Средней Азии*. М.: Восточная литература, 2003 [Vamberi A. *A Journey through Central Asia*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003 (in Russian)].

Вестерник Н.Н. *Чума в Бомбее*. СПб.: Типография Морского министерства, 1900 [Vesternik N.N. *The Plague in Bombay*. Saint Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva, 1900 (in Russian)].

Внутреннее обозрение. *Русский вестник*. 1889. Т. 202. С. 340–344 [Internal Review. *Russian Bulletin*. 1889. Vol. 202. Pp. 340–344 (in Russian)].

Гарина О.В. К вопросу о деятельности Медицинской полиции в XIX в. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2018. № 1 (67). Ч. 2. С. 147–151 [Garina O.V. On Activities of Medical Police in 19th Century. *International Research Journal*. 2018. No. 1 (67). Part 2. Pp. 147–151 (in Russian)].

Записка подполковника Казакова императору Александру Николаевичу о взаимоотношениях России и ханств Средней Азии. *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 483. Д. 66. Л. 1–24 об. [Note by Lieutenant Colonel Kazakov to Emperor Alexander Nikolaevich on the Relations between Russia and the Khanates of Central Asia. *Russian State Military Historical Archive*. F. 483. B. 66. Sh. 1–24 turn (in Russian)].

Кларк Г. *Прощай, ницета! Краткая история мировой экономики*. М.: Издательство Института Гайдара, 2012 [Clark G. *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2012 (in Russian)].

Корф Ф.Ф. *Воспоминания о Персии. 1834–1835*. СПб.: Гуттенбергова типография, 1838 [Korf F.F. *Memories of Persia. 1834–1835*. St. Petersburg: Guttenbergova tipografiya, 1838. (in Russian)].

Лодер Х. *Об эпидемии холеры в Москве*. М.: Университетская типография, 1830 [Loder H. *About the Cholera Epidemic in Moscow*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1830 (in Russian)].

Марковников В., Отрадинский П. *Появление чумы в России*. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1879 [Markovnikov V., Otradinsky P. *The Appearance of the Plague in Russia*. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1879 (in Russian)].

Мead P. *О моровой язве*. СПб.: При Императорском сухопутном кадетском корпусе, 1772 [Mead P. *About the Plague*. Saint Petersburg: Pri Imperatorskom sukhoputnom kadetskom korpuse, 1772 (in Russian)].

Михель Д.В. *Эпидемии и глобальная история*. М.: Издательство «Весь мир», 2021 [Mikhel D.V. *Epidemics and the Global History*. Moscow: Izdatelstvo “Ves mir”, 2021 (in Russian)].

Михель Д., Михель И., Сироткина И. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925). *Вестник Евразии*. 2004. № 3 (26). С. 113–139 [Mikhel D.,

Mikhel I., Sirotkina I. Medicine against the Epidemics in the Volga Region: Socio-Historical Context (1890–1925). *Acta Eurasica*. 2004. No. 3 (26). Pp. 113–139 (in Russian)].

Молчанов А.Н. *По России*. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1884 [Molchanov A.N. *Across Russia*. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya, 1884 (in Russian)].

Неболсин Г.П. *Статистическое обозрение внешней торговли России*. Ч. 1. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1850 [Nebolsin G.P. *Statistical Review of the Foreign Trade of Russia*. P. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta vneshney trgovli, 1850 (in Russian)].

Орлов А.А. *Встреча чумы с холерой*. М.: Университетская типография, 1830 [Orlov A.A. *When Plague Meets Cholera*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1830 (in Russian)].

Положение о карантинной страже. СПб., 1832 [Regulations on the Quarantine Guard. Saint Petersburg, 1832 (in Russian)].

Рахимов Р.Н. Между чумой и холерой: иррегулярные войска Оренбургского края в борьбе с эпидемиями первой трети XIX в. *Уральский исторический вестник*. 2021. № 1 (70). С. 14–20 [Rakhimov R.N. Between Plague and Cholera: Irregular Troops of the Orenburg Region in the Fight against Epidemics of the First Third of the 19th Century. *Ural Historical Journal*. 2021. No. 1 (70). Pp. 14–20 (in Russian)].

Скопин В.Н. *Средняя Азия и Индия*. М.: Издание Д.Д. Ефимова, 1904. [Skopin V.N. *Central Asia and India*. Moscow: Izdanie D.D. Efimova, 1904 (in Russian)].

Устав Медицинской полиции. *Свод законов Российской империи*. Т. 13. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. С. 146–322 [The Charter of the Medical Police. *Code of Laws of the Russian Empire*. Vol. 13. Saint Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii. 1857. Pp. 146–322 (in Russian)].

Филевский П.П. *История Таганрога*. М.: Типо-литография К.А. Александрова, 1898 [Filevsky P.P. *History of Taganrog*. Moscow: Tipo-litografiya K.A. Aleksandrova, 1898 (in Russian)].

Цебриков М. *Материалы для географии и статистики России: Смоленская губерния*. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1862 [Tsebrikov M. *Materials on Geography and Statistics of Russia: Smolensk Province*. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta Generalnogo shtaba, 1862 (in Russian)].

Яроцкий И. Замечания об Александрии, Смирне и Константинополе в физическом и медицинском отношениях, извлеченные из сочинения доктора Л. Обера «О чуме». *Журнал Министерства внутренних дел*. 1841. Ч. 39. № 1, январь. С. 107–142 [Yarotsky I. Physical and Medical-Related Remarks on Alexandria, Smyrna and Constantinople, Extracted from the Essay “About the Plague” by Dr. L. Ober. *Journal of the Ministry of Internal Affairs*. 1841. Part 39. No. 1, January. Pp. 107–142 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШКУНОВ Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела истории и археологии ФГБУН Самарского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Самара, Россия.

Vladimir SHKUNOV, DSc (History, Pedagogy), Professor, Leading Research Fellow, Department of History and Archaeology, Samara Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Samara, Russia.